

УДК 82.09

ЗАВЕР Татьяна Владимировна, аспирант кафедры литературы и русского языка гуманитарного института филиала САФУ имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске. Автор 7 научных публикаций

СМЕРТЬ ДОМА В РУССКОЙ ГОРОДСКОЙ ПРОЗЕ 60–70-х годов XX века

В статье рассматриваются особенности реализации мотива *смерти* Дома в произведениях русской городской прозы 60–70-х годов XX века. На материале романов и повестей Ю. Трифонова, Б. Ямпольского, А. Битова и В. Маканина автор исследует влияние экзистенциализма на городскую прозу XX века, в которой экзистенциальные мотивы проявляются на эмоциональном фоне одиночества, страха, отчуждения и незащищенности индивида перед машиной власти. Проблема мироощущения индивида в обществе, переживающем кризис, нахождение человеком своего «Я» определяется в статье как общая актуальная проблема экзистенциализма XX века. Важную роль в рассматриваемых произведениях играет критическая ситуация, оцениваемая как главный структурообразующий элемент экзистенциального сознания. Автор подчеркивает, что персонажи русской городской прозы обретают свое истинное лицо, находясь в пограничных ситуациях выбора, болезни и смерти, и именно через ситуации раскрывается тема духовного падения человека. Отмечает, что для Ю. Трифонова, А. Битова и В. Маканина мотивы гибели и уничтожения Дома значимы и в переносном, и в прямом смысле, т. к. разрушение старых зданий соотносится с крахом семейных отношений людей в результате их лжи, измен и предательства. Разрушение Дома – Семейного гнезда персонажей – часто сопутствует их гибели. Мотив *смерти* Дома и его жителей автор статьи рассматривает как в физическом, так и в духовном аспектах, связывая его появление с историческим и социокультурным фоном российской действительности XX века.

Ключевые слова: *городская проза, экзистенциализм, экзистенциальный мотив, мотив смерти Дома, мотив гибели и уничтожения Дома.*

На реализацию архетипа Дом – Бездомье в произведениях русской городской прозы значительное влияние оказала экзистенциальная философия. Экзистенциализм как философское течение появился в первой половине XX века в Германии (М. Хайдеггер, К. Ясперс) и обрел популярность во Франции, где его привержен-

цами стали писатели А. Камю и Ж.-П. Сартр. В первой половине XX века экзистенциализм стал распространенным философским течением во всей Европе. Социальной причиной возникновения и развития европейского экзистенциализма послужили трагические исторические события XX века: две мировые войны –

1914–1918 и 1939–1945 годов. Общей актуальной проблемой этого философского течения стала проблема жизнедеятельности и мироощущения человека в обществе, пережившем кризис, нахождения индивидом своего «Я» в трагических ситуациях.

В первой половине XX века в самом центре трагических исторических событий (войны и революции) оказалась Россия, и в 60–70-е годы создатели русской городской прозы, осмысляя жизнь своих персонажей в переломные исторические периоды (репрессии 30-х годов, становление тоталитарного государства, Великая Отечественная война, послевоенные годы, годы «оттепели»), не могли не обратиться к экзистенциальной проблематике. Исторический и социокультурный фонны российской действительности XX века обусловили воплощение экзистенциальных мотивов и сюжетов в произведениях Ю.В. Трифонова, Б.С. Ямпольского, А.Г. Битова и В.С. Маканина.

В городской прозе 60–70-х годов, исследующей судьбы людей в переломные моменты российской истории, нашел воплощение экзистенциальный мотив *смерти* Дома и его обитателей. Повествуя о событиях 30-х годов XX века, Ю.В. Трифонов, семьи которого непосредственно коснулись репрессии, описал мрачную «ауру большого дома» – Дома на набережной, – на которую накладывались исчезновения обитателей, «странные смерти», несчастные судьбы: «Морж погиб под Ленинградом. <...> Химиус неизвестно где. Все рассыпались из того дома кто куда», на фронте погиб и талантливый Антон Овчинников¹. *Смерть* персонажей Трифонова заключается не только в их физической гибели, но в первую очередь в смерти духовной. Так, Вадим Глебов из страха за свое будущее предал своего учителя – профессора Ганчука и его семью, отказавшись поддержать его во время травли и выступить в его защиту, таким образом предав любовь Сони

Ганчук. Его предательство повлекло за собой болезнь и смерть ее матери Юлии Михайловны, а позднее – и самой Сони.

В романе Ю. Трифонова «Исчезновение» мотив *смерти* Дома нагнетается повторением слова «умер»: «Тот дом давно умер, исчез»; «Но я-то знал, что старый дом умер. Он умер давно, когда я покинул его. Так происходит с домами: мы покидаем их, и они умирают»². А.В. Шаравин подчеркивает, что «оппозиция двух восприятий закреплена на лексико-семантическом уровне, сконцентрированном в словах, выражающих предпологаемость, неточность и абсолютную уверенность, утвердительность (казался – знал). Незыблемость, несокрушимость дома – лишь видимость, фикция, мнимость» [1, с. 121].

Для персонажей трифоновских «Московских повестей» смерть имеет как физическое значение (мать Дмитриева в «Обмене», Сергей Троицкий в «Другой жизни»), так и духовное (Дмитриев в «Обмене»). Став членом семьи Лукьяновых, он потерял душевный комфорт, понимание и любовь сестры и матери. Когда умерли жители Дома, разрушился и сам Дом: после смерти деда Дмитриева «дачная квартира в Павлинове <...> пришла в запустение. Протекла крыша, прогнило крыльцо»³. Как следствие, постепенно исчезло «гнездо» семьи Дмитриевых: «В этом мире, оказывается, исчезают не люди, а целые гнездовья, племена, со своим бытом, разговором, играми, музыкой. Исчезают дочиста...»⁴.

Смерть в романе Б.С. Ямпольского «Арбат, режимная улица» сопровождала жизнь обитателей дома даже в светлые моменты – в праздники, свадьбы, рождения детей: «Шумит, скандалит, женится и разводится, рождает и умирает разноязычный табор коммунальной квартиры»⁵. Дождавшись смерти родственников и «изо всех сил помогая этой смерти», люди

¹Трифонов Ю.В. Дом на набережной. М., 2011. С. 70.

²Там же. С. 195.

³Трифонов Ю.В. Московские повести. М., 2011. С. 43.

⁴Там же. С. 39.

⁵Ямпольский Б.С. Арбат, режимная улица. М., 1997. С. 23.

обретали жильё⁶. «Разговор о жмуриках» каждый день вел Бонда Давидович, игравший на похоронах⁷. Даже цинковые корыта на стенах темного коридора напоминали детские гробы.

Мотив *смерти* Дома звучит особенно сильно в эпизоде романа, когда после возвращения с фронта его главный персонаж – офицер К. – впервые увидел свое жильё: «мертвая, оплаканная» комната ассоциировалась у него с «ледяным моргом, где лежал труп времени», навсегда ушедшего вместе с юностью, молодостью и счастьем человека, с болью и расставаниями и с верой в бессмертье⁸. Смерть в романе постепенно приобрела совершенно иные масштабы: мертвой казалась не только комната, но и весь дом, и другие здания в Москве: «каменные палаты» и «краснокирпичные доходные дома», и серые коробки городских домов. Более того, К. однажды почувствовал, что и «города не было, и ночи не было, ничего не было»⁹. Это произошло вместе с исчезновением довоенной жизни, годами войны, наполненными высокой духовностью.

В романе «Арбат, режимная улица» уходит из жизни старый дом и точно так же исчезают его обитатели (умерла от туберкулеза сестра айсоров, затем от инфаркта скончался Пётр Петрович, позднее упоминается о том, что ушли из жизни старуха Сорока, Розалия Марковна, Свизляк).

Гибель личности в духовном плане по-разному проявлялась в образе жизни и поступках арбатских соседей: Свизляк держал в постоянном страхе обитателей квартиры, был нахален и раздражителен, подозрителен и опасен, т. к. писал доносы на соседей; за дополнительную плату доносил всезнающий дворник Овидий,

ощущая свою значимость, свою власть над людьми и свою безнаказанность¹⁰; Голубев-Монаткин жил под гнетом совершенного в прошлом убийства, но по-прежнему жаждал власти над другими людьми; айсоры из-за тесноты были по-звериному жестоки со своим соседом. Соседи, жившие тихо и незаметно (Розалия Марковна, Любочка), утратили внутреннюю и физическую свободу, т. к. существовали в страхе перед Свизляком, перед его бдительным взглядом и тем, что может последовать за этим¹¹.

Смерть персонажей и их Дома является одним из ключевых моментов и в «Пушкинском доме» А.Г. Битова. Битов не случайно рассказал о смерти дяди Диккенса и деда Одоевцева, не примирившихся с действительностью: «дед вскоре не выжил», умерев то ли во время принудительного лечения, то ли во время побега, «потому что “вторичное” возвращение в “прежнюю” жизнь подорвало его последние силы»¹². После смерти Модест Платонович как бы вступил в конфликт с общественным мнением: торжественная панихида по нему походила более на «насмешку», т. к. «все пришли к человеку, что-то когда-то написавшему», а не к старому человеку, вчера еще жившему, а сегодня уже потерявшему жизнь, и эта скорбь напоминала воодушевление по поводу, что старший Одоевцев больше ничего не напишет¹³. Вскоре умер и дядя Диккенс: он лежал в холодной и чистой квартире, «убранный и готовый в гроб»¹⁴. Вместе с ним умер и его Дом. Он исчез как духовная сущность, со смертью хозяина утратив свою атмосферу, оставшись лишь помещением, имевшим материальную ценность.

⁶Ямпольский Б.С. Арбат, режимная улица. М., 1997. С. 24.

⁷Там же. С. 45.

⁸Там же. С. 64.

⁹Там же. С. 224–225.

¹⁰Там же. С. 52.

¹¹Там же. С. 43.

¹²Битов А.Г. Пушкинский дом. М., 2013. С. 95.

¹³Там же. С. 96.

¹⁴Там же. С. 98.

Похороны дяди Диккенса не были такими торжественными, как у деда, но отличались трогательностью, малолюдностью. После них у Лёвы появилось ощущение, что умер родной человек, и его охватило чувство, которое было подавлено «энтузиазмом рождения великого человека» во время прощания с дедом¹⁵.

Заметим, что смерти дяди Диккенса и деда Одоевцева в романе сопутствовали не только разрушение семейного гнезда Лёвы, но и его духовная гибель. Духовное падение Лёвы Одоевцева показано через ситуацию его выбора между дружбой и карьерой. Именно такую ситуацию В.В. Заманская отметила как главный структурообразующий элемент экзистенциального сознания, приведя в пример «Смерть Ивана Ильича» Л.Н. Толстого, целиком строящуюся на ситуации смерти человека [2, с. 36].

Велика экзистенциальная роль ситуации и в повести Маканина «Река с быстрым течением», в которой автор показал, как Игнатьевы разрушили собственный Дом – Семейное гнездо – ложью, изменами, равнодушием друг к другу. И только в критической ситуации, перед лицом болезни и смерти Симы, в душе Игнатьева проявились сочувствие и тревога о судьбе жены.

Неудивительно, что для В. Маканина, как для Ю. Трифонова и А.Г. Битова, были значимы мотивы *гибели* и *уничтожения* Дома не только в переносном, но и в прямом смысле. Так, в «Реке с быстрым течением» Игнатьев и его коллеги по работе наблюдали из окна, как сносят старый дом: «Его уже наполовину снесли и даже больше, чем наполовину. Дом походил на обломок зуба. Кусок крыши и единственное оставшееся окно второго этажа непонятно на чем держались. А огромный металлический шар вновь раскачивался, набирая инерцию для удара, может быть последнего. Уже и бульдозер прибыл»¹⁶. Разрушение дома соотносилось с крахом семейных отношений главных героев.

Эмоциональную доминанту экзистенциальной традиции в произведениях Ю. Трифонова, Б. Ямпольского, А. Битова и В. Маканина мы рассматриваем в рамках переживаний их персонажами состояний страха, одиночества, отчуждения, незащищенности перед безликой машиной власти. Именно на таком эмоциональном фоне проявляется в рассматриваемых произведениях экзистенциальный мотив *смерти* Дома и его обитателей.

Список литературы

1. Шаравин А.В. Городская проза 70–80 годов XX века: дис. ... д-ра филол. наук. Брянск, 2001.
2. Заманская В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий. М., 2012.

References

1. Sharavin A.V. *Gorodskaya proza 70–80-kh godov XX veka*: dis. ... d-ra filol. nauk [Urban Prose of the 1970s – 1980s: Dr. Philol. Sci. Diss. Abs.]. Bryansk, 2001.
2. Zamanskaya V.V. *Ekzistentzial'naya traditsiya v russkoy literature XX veka. Dialogi na granitsakh stoletiy* [Existential Tradition in Russian Literature of the Twentieth Century. Dialogues at the Turn of the Century]. Moscow, 2012.

¹⁵Битов А.Г. Пушкинский дом. М., 2013. С. 99.

¹⁶Маканин В.С. Река с быстрым течением // Маканин В.С. Избранное. М., 1987. С. 358.

Zaver Tatyana Vladimirovna

Postgraduate Student, Humanitarian Institute,
Severodvinsk Branch of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

DEATH OF THE HOUSE IN THE RUSSIAN URBAN PROSE OF THE 1960s – 1970s

The paper examines the *death of the house* motif in Russian urban prose of the 1960s – 1970s. Using the novels and stories by Yu. Trifonov, B. Yampolsky, A. Bitov and V. Makanin, the author studies the influence of existentialism on the twentieth-century urban prose, in which existential motifs emerge against the emotional background of loneliness, fear, alienation and insecurity of an individual before the machine of power. The problem of finding oneself and of the individual's perception of the world in a society going through a crisis is seen here as an overall problem of the twentieth-century existentialism. An important role in these works is played by the critical situation, being the main structure-forming element of existential consciousness. This way, the characters of Russian urban prose show their true colours when going through borderline situations of choice, illness or death, and it is through these situations that the theme of moral lapse of man is developed. The author notes that for Yu. Trifonov, A. Bitov, and V. Makanin the motifs of death and destruction of the house are important both in the figurative and literal sense, as destruction of old buildings is compared to family disturbance as a result of lies, adultery and betrayal. Therefore, destruction of the house – the characters' family home – often accompanied their death. The author of the article views the motif of *death* of the house and its inhabitants both in its physical and spiritual aspects, linking this motif's emergence with the historical and sociocultural situation in twentieth-century Russia.

Keywords: *urban prose, existentialism, existential motif, death of the house motif, destruction of the house motif.*

Контактная информация:

адрес: 164500, г. Северодвинск, ул. Карла Маркса, д. 36;
e-mail: tatiana.zaver@gmail.com